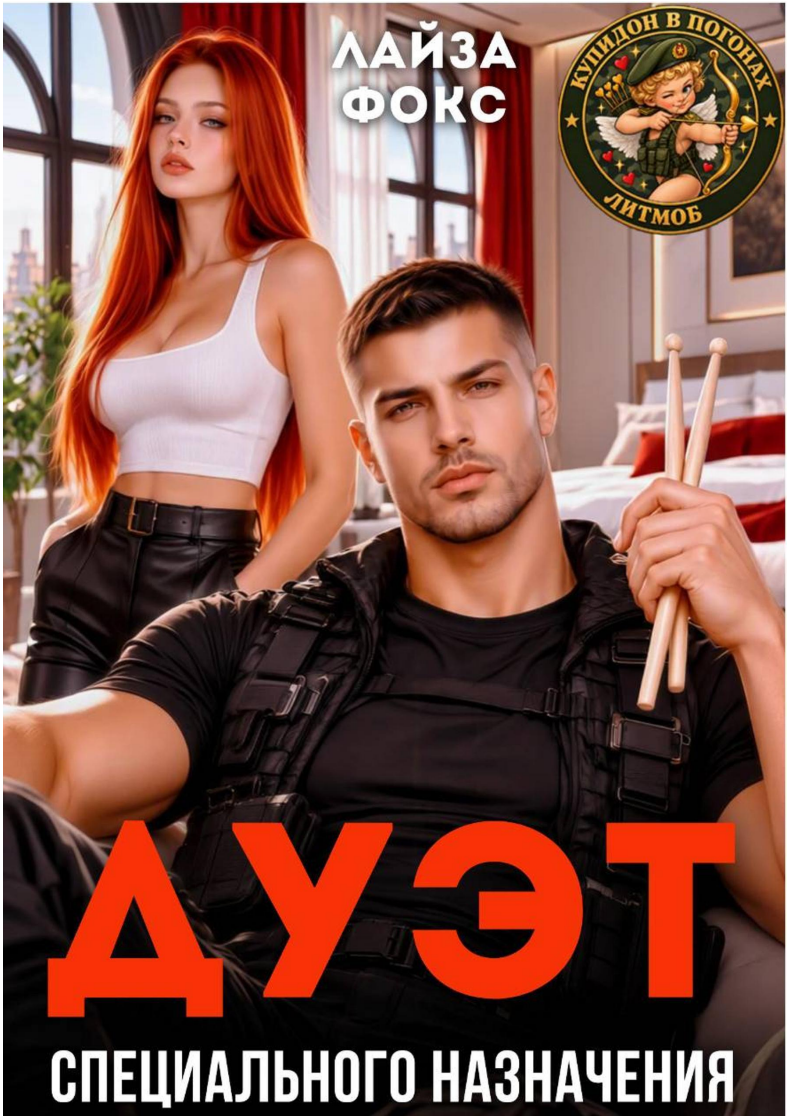
ЛАЙЗА
ФОКС
КУПИДОН В ПОГОНАХ
ЛИТМОБ
ДУЭТ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Лайза Фокс

Дуэт специального назначения

Серия «Купидон в погонах»

https://litres.ru/74962774
SelfPub; 2026

Аннотация

Его губы коснулись моих, и мы слились в поцелуе так естественно, словно мы только этим и занимались. Он напирал, я рвалась навстречу. И когда, окончательно потерял голову, я услышала собственный стон, внезапно пришла в себя.

Дёрнула головой. Разорвала поцелуй и припечатала звонкую пощёчину. Рука загорелась огнём.

Кирилл замер. Его взгляд стал чёрным. А потом по его лицу скользнула кривая самодовольная улыбка.

– Нормальная сдача за поцелуй красотки. После секса можешь меня даже в живот ударить.

* * * * *

Я спецназовец, но за нарушение меня отправили в личную охрану певицы. «Дело чести» — дочь погибшего майора. Про то, что она никого к себе не подпускает, а мне ответила пощёчиной я узнал слишком поздно.

Но я и сам не хочу отношений. Встречи на один раз - моё правило. Но у нас будет гостиница, репетиции и чужой взгляд из-за кулис.

Но почему-то я знаю, что она будет моей.

Содержание

Пощёчина. Эрика	6
Залёт. Кирилл	11
Приказ. Кирилл	16
Долг. Эрика	21
Подальше. Кирилл	26
Бесит. Эрика	32
Спокойной ночи	38
Сердце	44
Мир раскололся	50
Личная заинтересованность	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дуэт специального назначения

Аннотация:

Пощёчина. Эрика

Последние аккорды моей песни затихли, но я пульсировала в такт соло на барабанах. Адреналин бурлил в крови, и я чувствовала каждый вздох, взгляд и улыбку, посланную в мою сторону. Даже спиной.

Я тянулась всем своим естеством к новому барабанщику Кириллу, вышедшему на замену. Ну, давай! Давай же! Финаль!

И он не подвёл. Виртуозно довёл гостей до неистовства, а потом взвинтив темп, резко оборвал! Толпа, переполнявшая бар «За Лив», неистово взвыла.

Вздёрнув нос, я окинула гостей счастливым взглядом превосходства и выкрикнула в микрофон:

– Спасибо-о-о! – А потом с лукавой улыбкой добавила, – Эрика Тескер. Мы этого достойны!

А потом поклонилась и в точно выверенный момент выпрямилась с поднятыми вверх руками. Толпа бушевала. Фанаты и случайные гости грозили разнести бар, а я мысленно отправляла очередной перевод на лечение Данилы.

Не забывая подмигивать, махать руками, посылать воздушные поцелуи, я спустилась со сцены. Опустив глаза, пыталась разглядеть хаотичное нагромождение проводов. Пока перешагивала через бесконечные удлинители, потеряла время.

Нырнула в коридор, но там уже было не протолкнуться. Вот чёрт! Пока меня спасал полумрак. Люди были возбуждены после концерта, но стоило хоть кому-нибудь узнать меня – и началась бы давка.

Я запаниковала. Опустила голову и шла, не поднимая взгляда, словно искала что-то на полу. Меня толкали, отпихивали, пытаясь протиснуться, но я никак не реагировала. Старалась дойти до безопасного места и закрыться на все замки.

– Она пошла туда! Я видел! – выкрикнул кто-то за моей спиной.

Мои плечи моментально напряглись. Взгляд заметался между притиснутыми ко мне почти вплотную руками и телами. Я лихорадочно пыталась найти выход. Семён, блин! Почему тебя никогда нет?

– Где она?

Голоса приближались быстрее, чем я могла дойти до служебного коридора. Пульс отбивал чечётку в висках, а в мыслях не было ничего толкового. Ещё несколько секунд, и меня догонят. И что тогда? Как от них отбиваться? Что делать?

И когда я уже дошла до отчаянья, меня перехватила за талию сильная мужская рука. Ладонь второй зажала мне рот. Губы коснулись уха, тихо чеканя:

– Тихо. Делай вид, что ты моя девушка. Выведу.

Я узнала голос барабанщика. Не успела понять, что делать, как меня развернули и, обняв за плечи, повели в сто-

рону от основного людского потока. Сердце билось, как финальный концертный бит, а рука барабанщика направляла меня к боковому выходу.

Голоса преследователей проскользнули вперёд, но и тут нельзя было расслабляться. Кирилл был того же мнения. И когда людской поток нажал с новой силой, он втиснул меня в нишу между столбами, и я впечаталась спиной в холодную стену.

Прикрыл меня собой, развернувшись спиной к толпе. Накинул капюшон худи, словно отгораживая нас ширмой. Навис сверху и сцепил руки в замок над моей головой. Упёрся предплечьями в стену. И я оказалась в ловушке его рук, мятного дыхания, взгляда.

Он не прикасался ко мне, даже когда люди напирали со всех сторон. Но я чувствовала: подайся я на миллиметр вперёд – всем телом прижмусь к нему. И от этого становилось невыносимо жарко.

– Хороший концерт, – прошептал он. – Надо отметить.

Близость Кирилла меня взволновала. Я с трудом отходила от концертной эйфории, а теперь на неё ложилось ещё и тёмное обаяние барабанщика. Пытаясь справиться с бурлящим коктейлем эмоций, отрезала:

– Я не пью.

– Я тоже, – ухмыльнулся барабанщик. – Можно и без алкоголя. К тебе или ко мне?

Кирилл рассмеялся. В нём всё было притягательно: и за-

пах, и голос, и смех, и сильные руки. И особенно – мощная спина, загораживающая меня от толпы. Но зачем же так в лоб?

– Обойдёшься, – ответила я резко.

– Тебе понравится.

– Поверю на слово. Проверять не будем.

– Точно?

А потом он медленно начал наклоняться. Я могла вырваться, оттолкнуть, закричать. Но взгляд его чёрных глаз и улыбка хищника-обольстителя не давали даже пошевелиться. Гипнотизировали. Завораживали.

Его губы коснулись моих, и мы слились в поцелуе так естественно, словно мы только этим и занимались. Он напирал, я рвалась навстречу. И когда, окончательно потерял голову, я услышала собственный стон, внезапно пришла в себя.

Дёрнула головой. Разорвала поцелуй и припечатала звонкую пощёчину. Рука загорелась огнём.

Кирилл замер. Его взгляд стал чёрным. А потом по его лицу скользнула кривая самодовольная улыбка.

– Нормальная сдача за поцелуй красотки. После секса можешь меня даже в живот ударить.

У меня в голове коротнуло. Я не понимала его реакцию и испугалась сильнее. Но барабанщик только качнул головой.

– Нет? Ну, нет так нет. На счёт два – шагаешь вправо. Доведу до раздевалки.

Даже от этой невинной фразы, произнесённой его бархат-

ным голосом, по коже пробежали мурашки.

И пока Кирилл провожал меня в служебный блок, и пока я ехала домой на такси, я надеялась, что больше никогда его не увижу. Потому что он был для меня опасен. А опасностей я избегаю принципиально.

Вычеркнуть. Забыть.

Быть свободной. Независимой. Одинокой.

Вот дрянь!

Залёт. Кирилл

Эрика. Э-ри-ка. Эри. Рика. Ри.

Я не залипал на девчонках. Не эта, так та. Много хороших. Встретились, покружились, разбежались. Никто никому ничего не должен. Никаких томных взглядов и надоедливых звонков. И защита толще, чем броник.

А певички – вообще не моё. Я люблю обычных девчонок без заморочек. Они гуляют, и я отдыхаю. И чтоб фигура была ладная, и лицо приятное. Не надо красоток, они много о себе думают. Надо живых, заинтересованных.

А вчера впервые повело. И на кого? На певичку? Калинин дёрнул заменить барабанщика. Я отнекивался, мол, любитель. А он упёрся – больше никого свободных нет, да и репертуар группы я знаю: мы в ТЦ играли их хиты.

Калинину нельзя отказать – мы в его помещении репетируем после работы. Вот и пришлось ехать, а там… В нашем кружке по интересам все нормальные мужики. Музыка – хобби для души.

А тут – профессиональные люди искусства. Аж в глазах рябит от колец в носах, тоннелей, блёсток, стрелок. А татуировок столько, что настоящий цвет кожи не разглядеть. И среди всего этого зоопарка – она. Эрика.

Увидела. Моментально оценила. Высокомерно вздёрнула нос. Да ладно! Поздоровалась и начала репетицию. Но сколь-

ко бы она ни двигалась, приноравливаясь к маленькой сцене, как бы тщательно ни распевалась, мне казалось, что ежесекундно контролит мой бит.

В конце репетиции только один раз облегчённо выдохнула и кивнула мне. Всё. Словно и не было меня. Не сидел сзади, уткнувшись взглядом в её аппетитную пятую точку. Не рассматривал струящиеся по плечам и развевающиеся в танце волосы. И ведь не просто смотрел. Пялился.

Да что в ней такого-то? Обычная девчонка. Но глаз не оторвать. Между нами натянулись тонкие ниточки из титана, по ним – ток. Даже закрыв глаза я точно мог сказать, с какой она стороны стоит. И когда она двинулась со сцены после концерта, шагнул за ней.

А потом вёл, загораживал, дышал ею. И в груди отдавалось щемящее. И не только в груди. Особенно когда взгляд её зелёных глаз начал темнеть, стал чёрным, зовущим. И когда губы откликнулись на поцелуй – просто навылет.

Эрика.

А потом она испугалась. Чего? Я не косякнул: не лапал, не сболтнул лишнего. Но она вздрогнула и залепила пощёчину. Без ненависти. Потому что снова испугалась. И захотелось прижать её сильнее и уволочь к себе на свежезастеленные простыни.

Но предохранитель сработал, а принцип, что хороших девчонок много, – нет. Сегодня на полигоне, едва голова включалась, первой мыслью была Эрика. Зелёные, как у

кошки, глаза. Попка, обтянутая коротенькой юбкой. Стройные ноги. И поцелуй.

Бултых!

Ещё до того, как я услышал звук, почувствовал, как похолодели пальцы. Те самые, из которых в воду речушки возле полигона выскользнул патрон. И я даже выругаться не успел, как над ухом раздался голос Лёхи:

– Залёт.

И в голове эхом: Эрика, Эрика, Эрика. Да чтоб тебя!

Парни подтянулись почти моментально. Навесной мостик, на котором я сидел, вертя в руках патрон, закачался от шагов. Старшим группы сегодня был Рома. Тот даже материться умел про себя. Перегнулся через канатные перила. Повернулся ко мне.

– Оружие сдавать под роспись. Так что нырять придётся, пока не достанешь.

– Трешово. Был бы патрон пулемётным, а с пистолетным мы так накособочимся, что мало не покажется. Вода холодная: лето только-только началось.

– Меньше языком чешите. Тащите сюда шесты. Ограничим квадрат поисков, получим шанс закончить до заката. Ты, залётный, сиди тут, пока закрепят шесты. Потом будем нырять по очереди.

– Я купальник забыл, – попробовал шутить Лёха.

Но Рому это только разозлило. Его впервые поставили старшим на полигоне, и сразу такое, что придётся доклады-

вать.

– Забыл купальник? Значит, будешь нырять в сетке из-под картошки. Ты же сегодня дежурный. Все русалки твои.

– Мне русалки не нужны. У меня есть…

– Что у тебя там есть, ты при себе держи.

– Может, так, без шестов? – Лёха посмотрел на ряску на поверхности и скривился.

– Дно илистое. Первое погружение – и будем барахтаться уже в грязи. Там ни верха, ни низа, ни собственных пальцев видно не будет. А по шестам и спускаться легче.

– А нырять сложнее, – возразил я.

– А ты вообще молчи. Как ты любишь нырять, Кирилл, так твой позывной Бомба можно заново давать. Хватит. Приступаем.

Парни рассыпались за шестами. Действовали быстро. Ныряли по очереди, но патрон не находился. Вечером стало прохладно даже для нас. Рома поил мокрых бойцов горячим чаем. Но когда солнце село за горизонт, патрон найден не был.

– Прекращаем поиски. Завтра с рассветом продолжим, чтобы уехать вовремя.

В Роминых словах была логика. И обречённость была. А у меня в груди кольнуло: Эрика. Что ж ты со мной так неласково, а? И чтобы заглушить эту мысль, выпалил:

– Дай я ещё раз нырну, и закончим.

Рома на секунду застыл, а потом приказал:

– Быстро.

Я доплыл до ближнего шеста, вспомнил Эрику, а когда опустился ко дну, сразу же нащупал патрон. Мощным гребком всплыл на поверхность, прокричал:

– Нашёл!

– Ура! – Откликнулись парни.

Возвращались домой перепачканными, уставшими, но довольными. На утреннем построении были вовремя. Я уже почти успокоился. Но с занятия по технико-тактическим характеристикам меня вызвал к себе заместитель командира отряда Нестеров. И я понял, что попал.

Приказ. Кирилл

В кабинет заместителя командира Нестерова я входил на ватных ногах. Потеря оружия в тройке самых серьёзных после предательства нарушений. Патрон – оружие.

Поэтому Рапира погнал всех нырять. И поэтому парни не пикнули ни про холод, ни про грязную воду. Не нашли бы патрон – мог бы попрощаться с отрядом. Получил под роспись – сдал в оружейку так же. А не сдал – можно огрести по полной. И теперь заместитель командира отряда был вправе назначить самое строгое наказание.

И тянуть нельзя. Получать за заслуги надо сразу, даже если это наказание. Поэтому я не стал оттягивать: постучал, дождался разрешения и сел, куда указал замком. И сразу сжал челюсти так, что аж зубы заскрипели. Потому что Нестеров был не просто расстроен. Он был зол.

Серые глаза подполковника блестели сталью. Даже ёжик коротких русых волос, казалось, превратился в иглы. Фигура стала не просто мощной, а угрожающе тяжёлой. Балу был готов рвать, метать, уничтожать. Увольнять?

У меня похолодели руки, ноги, и сердце схватила ледяная рука страха. Что угодно, только не это! Да, что угодно! Пусть орёт, ставит в оцепление, хоть на проходную! Только бы в отряде! Только бы на службе.

Но Нестеров щадить меня не собирался. Взгляд у него был

крупнокалиберный, разрывной и бронебойный. Он молчал. Не говорил ни слова. Не ругался и не обзывал. Только смотрел.

Из-за его спины на меня смотрели бойцы с фотографий на стене. И сейчас их взгляды пробирали до костей. Они знали, что произошло. И даже я с одного из снимков смотрел недобро. Прожигал взглядом. Мы тогда вышли с задания. Чудом. И это чувствовалось сквозь года.

Тогда мы были в меньшинстве и на неподготовленной территории. Но перед нами были заложники, и с нами правда. И только за это чувство, когда я был точно за правду, точно на правильной стороне, можно было служить, как служим мы.

И прямо сейчас всё это могло закончиться. Даже представить себе это было невыносимо. Больнее, чем физический удар.

Нестеров шевельнулся. И снова без крика. Плохо.

Начал говорить не шёпотом, а так тихо, что мне пришлось изо всех сил прислушиваться к каждому слову. Ловить каждый звук.

– Знаешь, Кирилл, отряд, это не просто подразделение. Это живые люди. У них есть семьи, жёны, дети. Стареющие родители ждут их звонков, а сёстры помощи в учёбе. И когда боец пишет смс «я на выезде», начинается время, в котором не живут, а только ждут.

Внутри меня скручивались узлом самые острые чувства. И ранили они мою душу без пощады.

– И когда группа работает, важен каждый взгляд, поворот головы, каждая секунда.

Я уже был готов на всё, только бы прекратить это мучение. Что угодно! Дайте искупить и остаться в отряде!

Каждое слово Нестерова падало на душу раскалённым свинцом.

– И патрон. Последний. Который может решить исход операции, участь группы, бойца. Навсегда решить.

– Я готов искупить!

Взгляд Нестерова стал уничтожающим, и я замолчал. Теперь замком продолжил ещё тише:

– Есть вещи, которые искупить нельзя. Одно неверное мгновение, нехватка одного патрона, и потом ты стоишь возле ямы и не даёшь вдове кинуться вслед за гробом. И дети плачут.

Внутренне я выл от отчаянья, потому что это была правда. Потому что мы все можем не вернуться с задания. И каждый зависит от каждого. На выезде нет бойцов, есть группа. И потом может быть салют у гроба. Чёрт! Как я мог?

– И единственное что можно потом сделать – не бросить осиротевшую семью. Потому что твоя может стать следующей. Но это гораздо тяжелее, чем бежать марш-бросок или входить в адрес с вооружёнными фигурантами.

Есть выход? Есть вариант остаться?

Я до боли сцепил под столом пальцы. Да! Что надо делать? Чинить крышу? Разгружать чугунные батареи для но-

вой квартиры? Что? Я Готов! Приказывайте!

– И у нашего бойца, вписанного в состав отряда навсегда, осталась семья. Мы помогали по мере возможностей. Но сейчас старшей девочке приходится тяжело. Её окружение делает всё, чтобы сломать девочку и морально, и физически.

Я замер. Мы спецназ. Мы не участвуем в разборках. Но мы помогаем.

– Ей нужна надёжная защита. Плечо человека, который ни на секунду не выпустит девочку из поля зрения, будет собран и не опустит оружия. Закроет своим телом, если понадобится.

Я готов! Прикажите! Я не оставлю этого ребёнка! Но…

– Мы же не телохранители? – так же тихо спросил я.

Лицо Нестерова стало каменным.

– Мы не телохранители, не грузчики, не скорая. Мы не конвой и не следователи. Но если надо, если этого требуют обстоятельства, то мы всё, и ещё чуть-чуть. – Он изучающе посмотрел на меня. – У тебя есть возражения?

И внутри сдетонировало, словно Нестеров кинул мне в душу заряд небывалой мощности, и я отозвался.

– Никак нет! Жду приказаний.

Телохран? Пусть будет так! Я готов!

Нестеров слегка пододвинул ко мне папку.

– Тогда с сегодняшнего дня ты защищаешь конкретного человека на период выездных мероприятий. Будешь действовать автономно. Используем твоё хобби, как повод для

контакта.

Шевельнулась смутная догадка, но Нестеров не дал мне её обдумать.

– Работать придётся круглосуточно. Никакого административного ресурса и права обозначить свою миссию у тебя не будет. Придётся действовать собственным примером, убеждать, уговаривать и мотивировать. Прикрывать телом. Задача ясна?

– Так точно!

– Возражения?

– Никак нет!

– Тогда сбереги дочку майора Тескера. Это приказ.

В голове ухнуло. Я взял папку твёрдой рукой. А когда открыл её, с первой страницы на меня смотрела дерзко вздёрнувшая подбородок, Эрика. Эрика Тескер!

Лучше бы в оцепление!

Долг. Эрика

Утром я уже успела пробежаться, облиться ледяной водой и даже позавтракать. Но, выйдя из подъезда, усиленно делала вид, что ещё не проснулась. Девочки из фан-группы щебетали о том, как хорошо я выгляжу, совали в руки витаминные напитки.

Я слушала их вполуха. В наушниках по кругу играл мой новый сингл. Надо прочувствовать его до последней ноты, вжиться, пропитаться насквозь. Я мысленно автоматически сопровождала музыкальные переходы, когда с моего плеча сдёрнули тяжёлую сумку.

Я резко развернулась, решительно готовая прихлопнуть бессмертного, посмевшего тронуть мои вещи. И встретилась взглядом с чёрными глазами барабанщика.

– Дай сюда! – рявкнула чуть громче, чем следовало.

Фанатки тут же обернулись. Музыканты, загружавшие оборудование в автобус, разом замолчали. И только Кирилл даже бровью не повёл.

– Не кипишуй, красавица. Я ж не насовсем забрал. Донесу до автобуса, поставлю с тобой рядом.

Я двинулась на него, уперев руки в бока.

– Какого хрена ты делаешь?

– Помогаю красивой девушке нести тяжести.

– Я спрашиваю, какого хрена ты делаешь именно здесь?

Кирилл пожал плечами.

– Твой концертный директор мне трубку оборвал. Звал так настойчиво, как на свиданье, и вот я здесь, а приём неласковый.

Я окинула взглядом всех, кто стоял перед автобусом. Нашего барабанщика не обнаружила. Концертный директор тоже спрятался. Никогда его не бывает на месте, когда он нужен!

– Семён на такое не способен. Это что, преследование?

Я напирала, сверля Кирилла злобным взглядом. А он даже не подумал отшатнуться. Встал как вкопанный с моей сумкой, закинутой через плечо, и я оказалась почти вплотную к этой громаде в чёрных джинсах и худи.

Кирилл шумно втянул воздух и прищурился, словно облизывая меня взглядом.

– Если преследование, то только меня, – сказал он, а потом перешёл на шёпот, – но я не против. Моё предложение в силе. Могу и сумку донести, и тебя в номер.

– Да пошёл ты!

Я резко толкнула его в грудь, а он даже не шелохнулся.

– Это не по правилам, детка. Рукоприкладство только после сладкого. Так что ты теперь должна мне поцелуй.

Он подмигнул, а у меня внутри загорелось желание вмазать по его наглой морде. И, словно услышав мои мысли, Кирилл прошептал, касаясь моего лица своим дыханием:

– Давай, детка, ударь меня. Это точно потянет на секс.

Меня уже начало срывать с резьбы. Ещё секунда, и я бы не сдержалась. Но тут между нами вклинился Семён. Как всегда, не вовремя. Он протиснулся к нам через сумки и, выпаливая слова словно пулемётной очередью, потащил меня к автобусу:

– Эрика, это новенький на замену. Он едет с нами в тур.

– А Фаер где?

Лицо Семёна перекосило от отвращения.

– Догорел твой Фаер. Вернее, ещё горит в алкогольной горячке. Вроде выскочил, а опять нырнул. Не вышел в реал к туру.

Меня раздирало от злости на наглое поведение Кирилла и на то, как он легко меня цеплял.

– И никого получше не нашли?

Семён оскорбился.

– Нашли! И Матвея, и Айсберга нашли. Только ты после выступлений с ними меня чуть не сожрала. Один ничего не может запомнить, второй вступает невовремя. А после концерта в «За Лив» ты и слова дурного не сказала. Вот я тебе и выцарапал Кирилла.

Боковым зрением я следила за тем, как Кирилл удобно устроил сумку на плече и, устойчиво расставив ноги, наблюдал за нами. И взгляд у него был хищный, дерзкий.

– Эрика, ты что, опять недовольна?

– Я не люблю выступать с кем попало. Мне нужны нормальные музыканты, а не неизвестно кто.

– Вот и бери этого. Ты с ним уже выступала, и всё было нормально.

– В баре?

– Какая разница, Эрика? Он же всю программу отработал. Нигде не налажал, ничего не забыл. Так же отработает и на большой зал.

Мне хотелось уже разнести и автобус, и Семёна:

– А если он смажет перед большим залом? Ты же знаешь, как это бывает: в маленькой студии нормально, а во дворце спорта – ступор. Выйдет и скиснет.

Семён недоверчиво посмотрел на меня и мотнул головой в сторону Кирилла, стоявшего, словно чёрная скала. Спросил с сомнением:

– Этот? Да скорее мы все в страхе забьёмся под автобусные сиденья и не выйдем на концерт, чем этот дрогнет. Я видел, как он в ТЦ выступал с ребятами. Там рухнула осветительная опора. Грохот, искры, ор. А этот как играл своё соло, так и играл. Так что, Эри, не делай мне голову. Музыкантов полный комплект. Оборудование загрузили. Так что давай садиться и в путь.

Семён отошёл к водителю, а я двинулась к передним дверям.

– Что? Даже не врежешь мне? – спросил подошедший сзади Кирилл. И тихо добавил: – А то была бы должна секс. Это лучше поцелуя.

И мне захотелось стать его вечной должницей. Ну, то есть,

качественно разукрасить его физиономию. Я скривила губы. А в ответ получила очередную хищную улыбку. Села к окошку, натянула капюшон и закрыла глаза.

А барабанщик уселся сзади и вытянул длинные стройные ноги под моё сиденье. Я хотела наступить ему на ногу, но вспомнила про долг и отодвинулась.

Подальше. Кирилл

Эрика села к окну. Перед ней – две девицы с разноцветными волосами разной длины и взъерошенности. Свою сумку Тескер поставила рядом с собой и придерживала рукой даже когда задремала.

Сзади развалились музыканты. Клавишник раскинулся звездой на половине широкого сиденья. Бас-гитарист подложил под голову ветровку и привалился к стеклу. Семён сидел на переднем сиденье с противоположной стороны. Остальные кто где по одному.

Никакого порядка.

И сам от этой мысли ухмыльнулся. Вот я и застрял в этом бедламе из-за того, что у самого никакого порядка. Потому что голова вместо дела была занята Эрикой. Дочкой майора Тескера. И теперь я её личка.

Матом хочется завыть. Я спецназ, а не телохран. И я профнепригоден в кубе: потому что я не личка, потому что майор Тескер и его семья – вне категорий и потому что она меня цепляет.

Я предвзят, а значит, бесполезен. И мне не вырваться. Приказ Нестерова.

– Она тебе не даст.

Рядом со мной приземлилось субтильное создание. Светлые волосы с розовыми прядями до плеч, заинтересованный

взгляд фиолетовых глаз, отрепетированная улыбка. И ресницы в три ряда зубов акулы, как говорит Беркут.

Знаем таких. Эти и дадут, а потом так возьмут, что мало не покажется. Ловят не на блесну, а на крючья штурмовой кошки в цветах.

– Я Алиса.

– А ты дашь?

Глаза девицы на секунду стали огромными. А потом она пожала плечами и опустила взгляд.

– Ну зачем же так грубо?

А у меня встал. Не то, что между ног, а характер. Резко и колом.

– А я думал, ты так любишь. С этого же начала. Эрика не даст. А ты?

– Договоримся.

Я пожал плечами.

– Начинай. Слушаю внимательно.

Алисе разговор не нравился. Она рассчитывала быстро очаровать и продолжить вечер в приятной мужской компании. А тут такое обломинго. Придётся как-то дополнительно шевелиться, ещё и с неизвестным результатом. Мне её даже жалко стало. Ну, почти.

– Ой, да ладно тебе. Все знают, что Эрика не даст. Я ничего такого не сказала. И тебе не даст, без обид. А у нас тур, надо как-то не сходить с ума, а доиграть по высшему разряду.

– И что нам в этом может помочь?

Я демонстративно скользнул взглядом по её лицу, шее и остановился в районе груди, плотно обтянутой блузкой.

– Общение, – слегка севшим голосом ответила Алиса. – Активное, позитивное, к общему удовольствию. Ты же понимаешь, о чём я говорю?

– А как же. Ты ж мне не оставила никакого простора для фантазии. – Я снова покосился на её декольте, содержимое которого на каждой кочке норовило выпрыгнуть наружу. – Только где гарантия, что общее удовольствие достижимо? Может, я низкотестостероновый скорострел?

Девушка на секунду поджала губы: она явно не на такое начало рассчитывала. Ну что ж, прыгнула в воду – плыви.

И Алиса утёрлась. Продолжила с постановочно-обворожительной улыбкой.

– Тут у меня сомнений нет. Про тебя говорят только хорошее.

Внутри всё напряглось. Внешне я продолжал сидеть, развалившись в кресле, а внутри подобрался, как собака перед прыжком.

– И что говорят?

Алиса наклонила голову с кокетливой улыбкой.

– Что не трепло. Дерзкий, внимательный, техничный и ооооооочень выносливый.

И окинула меня оценивающим взглядом. А я не кусок мяса, чтобы меня так оценивать. Решила гарпунить – это не ко мне. Вон сзади звёзды, их попробуй заарканить. Но и мне

информацию упускать было нельзя. Каждая крупинка пригодится. Тем более в личке.

– И кто же тебе такое сказал? С кем я ходил в один фитнес-зал?

И снова задел. Алиса попыталась скрыть свою досаду. Переплавить её в экспертную оценку. Но я заметил.

– Я свою агентурную сеть не сдаю. Но тебе шепну на ушко. – Она и правда наклонилась немного ближе, но, не встретив ответного движения, зависла над плечом. – Вика Меркурьева, организатор мероприятий из ТЦ «Центральный». Дала тебе отличную характеристику.

– Рекомендацию лучших собаководов?

Алиса засмеялась и откинулась на спинку пассажирского кресла.

– Типа того.

– А ты, я смотрю, осведомлённая. Сплетница?

Она поморщилась, а потом улыбка стала гордой, настоящей.

– Работа такая – всё про всех знать. Я пиарщик этого проекта Музыканты работают на сцене, а я обеспечиваю успех концертов, пока музыка не звучит. Готовлю восприятие и управляю реакциями толпы. И про каждого в группе знаю досконально всё. У Полинки несчастная любовь, к ней не суйся. Насте нравятся женоподобные, типа нашего Стасика. Эрика тебе не даст. А у меня всё чётко и без выноса мозга. Встретились, пообщались, расслабились, а утром на руке не

висну и замуж не прошусь. Тебе же легче.

Я приподнял одну бровь.

– А видно, что я надрываюсь?

Теперь улыбка была почти восхищённой. Нравятся жёсткие и те, кто не ведётся. Понятно.

– В том-то и дело, что несчастненьких перегорельцев от жизни – целая куча. А ты крепкий. – Она многозначительно скользнула взглядом по бицепсам. – И на руки можешь взять. И всё без страданий. Хотя и минусы тоже есть.

– Минусы? Какие ещё минусы? – Я посмотрел на Алису, как возмущённый орёл из мема. – Я безупречен в своей греховности.

Взгляд Алисы стал самодовольным. Она ухмыльнулась.

– Рада, что мы друг друга услышали. И то, что секс у тебя всегда только один раз, меня тоже не останавливает. Приходи, договоримся.

Мне хотелось рассмеяться, но тогда бы я нажил себе врага. Поэтому спросил только:

– А тебя не смущает, что Эрика всё это слышит?

На лице Алисы промелькнула презрительная улыбка.

– Во-первых, Эрика всегда в наушниках. Если бы услышала, мы бы уже знали её ценное мнение. А во-вторых, ей такой, как ты, не нужен. Она себе получше найдёт. Ей же всё с неба сыплется. Это нам, простым смертным, всего приходится добиваться самим. Так что не смотри в сторону нашей звезды. Выбирай из тех, кто твоего уровня. Ещё увидимся.

После этого Алиса встала и, покачивая бёдрами, вернулась на второй ряд, сев за Семёном. Но у меня было ощущение, что даже затылком продолжала меня рассматривать.

Бесит. Эрика

Как же он меня бесил! Всем! Самим фактом своего существования. Тем, как беспардонно вторгся в мою вселенную и продолжал переть напролом. А ещё этой своей системой расчётов. Чуть что – должна поцелуй. Брал бы деньгами – треснула бы посильнее.

А этот всё время старался быть рядом. Не просто рядом – впритык. Даже номер выбрал соседний. Сразу видно, что новенький. Никто из музыкантов и за доплату не стал бы селиться рядом. Ну ничего. Я тебе устрою.

Сумку мою из рук не выпускал. Про содержимое не спрашивал. И теперь я ехидно думала, что к двум галтелям надо было и третью положить. Чтоб уж нагружать, так нагружать. И то, что Кирилл таскал сумку без стенаний, – тоже бесило. Прямо Атлант, а не парень. Знаем таких. Пыль в глаза пускает, а чуть что – сольётся по холодку.

– Ну, достаточно меня впечатлил? – спросила я, пока мы шли в соседний корпус. – Можешь быть свободен.

И, разумеется, его это не проняло. Криво улыбнулся, переложил сумку на другое плечо – теперь даже она нас не разделяла. И ухмыльнулся так, что все наши девицы застонали бы от предвкушения.

– Судя по вопросу – нет. Но это поправимо. Тур длинный, я рядом. Не кипишуй, всё успеем.

– А нормально ты можешь разговаривать?

– Могу. А смысл?

– Бесит!

Кирилл рассмеялся.

– Так ты бы попросила. Я бы откликнулся. Знаешь, какой я отзывчивый – ммммм. Просто идеальный партнёр по танцам. Правда, не в вертикальной плоскости. Но очень техничный.

– Я наслышана.

– Так и знал, что твои наушники – полная фикция. Только делаешь вид, что спишь или слушаешь музыку. Но я тебя раскусил.

Стало неприятно. Едва не рванула сумку к себе, но сдержалась и пошла дальше. А эта нависающая глыба расхохоталась:

– Ну вот видишь? Так постепенно и привыкнешь ко мне. Мы же теперь в одной команде, и бла-бла-бла.

Я стиснула кулаки и поджала губы.

– Может, к Алисе пойдёшь? Она за командную игру.

– А ты?

И снова этот взгляд, словно видел меня насквозь.

– А я волк-одиночка.

– И никогда не хотелось в стаю? Или хотя бы в пару?

И снова в его глазах что-то пробирающее насквозь. А мне не надо ни чувств, ни команды. Мне деньги нужны. Я на них уже променяла душу. Тут у меня уже нечего забрать. Да и

для чего? Чтобы потом как у родителей?

– Нет. Мне комфортно одной.

– «Если хочешь идти быстро – иди один. Если хочешь идти далеко, идите вместе». Это же логично.

Теперь наступила моя очередь усмехаться.

– И поэтому разовый секс без обязательств? Потому что хочешь идти далеко? Хватит мне лапшу на уши вешать. Ты мне не коуч. – Я остановилась как вкопанная. Кирилл тут же затормозил. – Кстати, а ты вообще кто?

На его лице промелькнуло несколько едва читаемых эмоций. Я успела увидеть удивление и недовольство, но их быстро сменила высокомерная усмешка.

– Парень. – Он шагнул ко мне. – Нужны доказательства?

И снова захотелось шипеть и лупить его по лицу. Но увеличивать долг? Без меня как-нибудь.

– А в жизни ты кто? Просто парень – это мамин помощник лет пяти. Кем работаешь?

Он пожал плечами.

– Тренером.

– Детей тренируешь?

– Взрослых. У нас недалеко от дома фитнес-зал. Такое, для здоровья.

– Понятно.

Я шагнула в сторону и снова двинулась в сторону нашего корпуса.

– И что тебе понятно?

– Почему ты не остался пить после концерта. У спортсменов режим, диета и прочее. А я-то думала, что ты принципиальный.

Мы вошли в корпус.

– Я принципиальный, – ответил Кирилл.

Я приложила карточку к электронному замку. Он щёлкнул, и я открыла дверь. Но когда я протянула руку, чтобы забрать сумку, Кирилл меня обошёл и, сбросив кроссовки, двинулся прямо в номер.

– Упёртый ты и наглый! Куда? Это мой номер!

Но он даже не затормозил. Прошёлся по комнатам, заглянул в санузел.

– Да не кипишуй, красавица. Я только гляну, как живут певцы… Номер шикардосный! У меня-то будет попроще, вот я и любуюсь.

Вышвырнуть эту махину было нереально. Я сложила руки на груди и ждала. А он полез даже в шкафы. Вот это уже настораживало. После разгрома в гримёрке и я сама всё проверяла. Но ему-то зачем?

Кирилл прошёл к столику с чайником, пирожным и букетом в вазе. Вытащил цветы из воды, повертел в руках, разглядывая.

– Парень прислал?

Мне стало смешно.

– Не ревнуй. Это комплимент от отеля. Мы выкупаем разом много номеров, вот они и приветствуют нас как оптовых

покупателей. Ничего личного, только бизнес.

– Думаешь, тебе лично не могут подарить цветы? Просто потому, что понравилась?

Теперь Кирилл посмотрел на меня с сочувствием. И вот это задело особенно сильно. Я ответила резче, чем собиралась:

– Могут, но это ни к чему. Мне чувства не нужны. Я тут не в отпуске, у меня работа. Так что цветы, конфеты и плюшевые игрушки – это не про меня. И теперь, когда ты уже удовлетворил своё любопытство, прошу на выход. Мне надо принять душ перед репетицией.

– С собой не позовёшь?

– Да иди ты к себе! Задрал уже! – почти закричала я.

Кирилл пожал плечами, взял коробочку с пирожным и двинулся к выходу. В дверях обернулся со своей фирменной наглой улыбкой:

– Не там ты кричишь, красавица. Ну ничего, ещё научу. А пирожное – бизнес, я его себе заберу. Плата за переноску тяжестей в твоей косметичке.

С рычанием я схватила декоративную подушку с дивана и кинула в спину Кирилла, но он увернулся.

– Это ещё один поцелуй! – донеслось из коридора.

Я обессилено рухнула на диван. Бесит!

Но я не собиралась сдаваться. Проверила, что все окна и двери заперты, открыла общий чат и пригласила к себе вечером наших девочек.

Тренер, значит?
Будет тебе и режим, и диета. Готовься.

Спокойной ночи

Пирожное сразу выкинул в мусорку. Цветы выглядели безобидно, а вот коробочка с десертом насторожила.: ярлычок приклеен неровно, словно упаковку уже вскрывали. Проверить содержимое я не мог. Поэтому – сразу в корзину.

Звукоизоляция в корпусе была никакущая. Я слышал, как Эрика ходила по номеру, хлопала дверцами шкафов. Ставила на пол что-то тяжёлое. Дважды. Стулья? В гостиной они массивные, с высокими спинками. Но звук металлический, а стулья деревянные. Проверить.

Она ходила по номеру. Что-то напевала, будоража мою кровь. После душа шмякнулась на кровать, и я понял, что не справляюсь. Зацепила она меня ещё в «За Ливе». Держала крепко и не отпускала.

Пытался держать дистанцию, но раз за разом срывался. Острил, наседал. Явно перегибал. Вёл себя как подросток, будто у меня девушек никогда не было. А ведь были. Даже постоянная, к сожалению.

Но потом удавалось придерживаться разовых встреч и не рвать себе душу. А тут я чувствовал, что ухожу в занос по льду с летней резиной. И экстренное торможение не спасало. И холодная вода в душе не привела в чувство.

На обед я вышел, едва она хлопнула дверью. Догнал и шёл рядом. Снова что-то говорил. А она смотрела на меня с пре-

восходством. С чего бы это? В ней были несостыковки, которые я пока не понимал. Кто может хотеть ей зла, такой хрупкой?

Всё время изучал обстановку: входы, выходы, окна, точки обзора. Откуда берёт еду? За какой столик садится? И сам двигался так, чтобы видеть и её, и окружающих. Я тут один, а у меня на неё – реакция! Почти манту, только на всю душу.

На репетиции всё то же самое. Только она ещё и танцевала передо мной в обтягивающем спортивном костюме. Еле дожил до вечера. Проводил до двери в номер. Потом попросил воды и, пока она пыталась спровадить меня к себе, шагнул к ней, отодвигая в сторону.

– У тебя кулер есть, а у меня только мини-бар, в котором вода из-под крана стоит как комплексный обед в ресторане.

– Ты наглый.

– А ты красотка! Налей воды страннику. Ты же понимаешь, что не уйду.

– Как же ты меня задрал!

Она метнулась в кухню-столовую, а я кинулся в гостиную. Быстро пробежался по всем комнатам. Возле дивана нашёл гантели. Откуда? Зачем? Чьи? Возле шкафа стоял цилиндрический чехол длиной с тубус для чертежей, только чуть шире. В ванной, где меня и застала Эрика, только кружевные белые трусики.

Аж скрутило от фантазии.

– Что ты тут делаешь? – возмутилась она.

– Руки мою. Ты же мне попить принесла. А перед едой и перед водой надо мыть руки.

– Пей и выметайся!

– Так точно, мон женераль. Попью и оставлю тебя отдыхать в полном одиночестве. Соскучишься – приходи.

И в её лице что-то поменялось. Она с грохотом, едва не разбив, поставила стакан на мраморную раковину и оскалилась:

– Скучно мне не будет. И тебе тоже скучать не придётся. Хорошего вечера и сладких снов.

Она вытолкала меня в коридор и демонстративно закрылась на дополнительный замок. В тот момент я не придал значения ни запертой двери, ни обычному пожеланию. А потом было поздно.

В номере Эрики врубили музыку. От попсы весь корпус ходил ходуном. Музыка сотрясала стены. Бесконечно хлопали двери. Я считал.

Всего к Эрике пришло пять человек. Они громко разговаривали, смеялись. Звякали посудой. Я накинул на плечи худи, сел на покрывало впритык к розетке. Прислушался.

– Может, позовём ребят? – перекрикивая музыку, спросила Алиса.

– Кого? – уточнила Эрика.

– Кирилла, Стаса?

– Стас уже отрубился и спит, как и остальные в других корпусах. А новенький обойдётся, – отбрила Эрика.

– Себе его не берёшь, нам отдай, мы не гордые.

– Так берите. Вы же в сторонке стоите. Ждёте, когда вас возьмут.

Потом кто-то уронил чашку. Она противно дзынькнула. Девушки шуршали, кричали, снова звякали. А потом начали расходиться по номерам. Сначала ушли разноцветные фанатки. Потом костюмерша Наташа. Следующей вернулась к себе визажист Алёна. Последней выходила Алиса.

Только шум не прекратился. Музыка продолжала играть. Несколько минут было тихо, и вновь заиграла попса. Да что ж ты такая неугомонная? Перед концертом не хочешь выспаться – дай это сделать другим!

Но Эрика не унималась. Снова приглушённые голоса, хлопок входной двери. Звуки были вполне обычными, такими же, как раньше, но меня что-то насторожило. И всё-таки что-то не так. Голоса девушек были не слишком хорошо слышны. Их было трудно разобрать. Но звуки двери я улавливал отчётливо.

И их точно не должно было быть! Потому что из соседнего номера я слышал щелчки замка и хлопанье створок, а из коридора – нет. И шагов тех, кто входил и выходил, – не было.

На цыпочках я подошёл к двери. Тихо приоткрыл створку. Выглянул в коридор. В номере Эрики начали подпевать и притопывать. Стукнула дверь её номера. Но створка не открывалась, и никто в неё не входил.

Запись?

Я взял ключ-карту от своего номера и вышел на улицу. В нашем одноэтажном корпусе жили только Эрика, я и гитарист Стасик. Со стороны центрального входа все окна были тёмными.

Продолжая слышать музыку и звуки импровизированного застолья, я завернул за угол. И тоже не увидел нигде света. Вычислив, где находятся окна номера Эрики, я подтянулся за край балкона гостиной. Посветил фонариком телефона и никого не увидел.

В столовой тоже было пусто. Я спрыгнул на землю. Выбрал дерево, с которого можно было заглянуть в спальню. Сердце билось барабанной дробью. А что, если я её упустил? Если она вышла с кем-то из девушек, отвлекая меня записью?

Грудь словно сдавило раскалёнными тисками. Опоздал? И молнией – отставить! Делать и всё!

Подпрыгнул, подтянулся на нижней ветке. Ободрал плечо – пофиг. Включил фонарик – и обомлел. Эрика безмятежно спала, обнимая подушку: её волосы разметались по постели, а пижамные брюки съехали, открыв стройную тонкую лодыжку.

Жива! Фух!

Задержавшись чуть дольше, чем требовала необходимость, спустился на землю. Вот зараза! Я этого тебе не забуду. И внутри мурлыкнуло, словно я решил выйти на охоту. Спал настороженно. Автоматически насчитал ещё четы-

ре разбитые чашки.

В 3:24 музыка смолкла, а уже в 5:30 в соседнем номере запел будильник. Эрика выскользнула на улицу. Я двинулся следом.

Едва она шагнула на дорожку, от дерева у входа в её сторону метнулась чёрная тень.

Я рванулся наперерез.

Сердце

У меня было отличное настроение: я проснулась с улыбкой, зная, что сосед половину ночи слушал попсу и запись нашего веселья. Мне не терпелось увидеть его помятую физиономию за завтраком.

Умылась, надела спортивный костюм, вставила наушники и двинулась к выходу. Только не смогла найти карточку от номера. Обойдя все комнаты и не обнаружив электронного ключа, решила после пробежки зайти на рецепцию и попросить дубликат.

Это вообще не проблема. Настроение – огонь!

В наушниках зазвучали первые ноты. Я подняла ногу, чтобы начать бежать по дорожке, но земли так и не коснулась: меня с невероятной силой рванули в сторону. Один из наушников выпал из уха и улетел куда-то вниз. У меня перехватило дыхание.

Всё произошло так стремительно, что даже не успела охнуть: сердце сорвалось в галоп, а рот запечатала огромная мужская ладонь. От страха подкосились ноги. Я начала оседать, когда услышала тихое:

– Тихо. Если не будешь кричать – отпущу.

Страх моментально сменился яростью. Я прекрасно узнала этот голос и попыталась пихнуть Кирилла локтем. Но он прижимал меня к себе вместе с руками, поэтому я только

дёрнулась в его объятьях и издала недовольный гортанный звук.

– Спокойно. Я не хотел пугать. Это вышло случайно. Но если мы продолжим здесь стоять в обнимку или ты закричишь, сюда сбегутся все. Ты же этого не хочешь?

Вместо ответа я снова сердито дёрнулась, надеясь, что он отпустит. Но Кирилл не сдавался.

– Красавица, ты не дрыгайся. Я могу подумать, что ты намекаешь на горизонтальные танцы.

Я застыла, внезапно почувствовав, как плотно прижата к сильному, твёрдому мужскому телу. И от затылка по позвоночнику прокатилась тёплая волна. Она разогрелась, и внизу живота откликнулась огненной лавой.

Я резко вдохнула, но вместо облегчения испытала жгучее возбуждение: ладонь, закрывающая мне рот, пахла мужчиной, которого я хотела. Я запаниковала, потому что вырваться из этого плена самостоятельно не могла. Жалобно пискнула.

– Освобождаю?

И снова я издала тихий умоляющий звук.

– И ты будешь вести себя тихо?

Я попыталась кивнуть, но голова была зафиксирована крепко. Поэтому глухо промычала:

– Уху.

– Молодец.

Каждая секунда теперь была пыткой. Хотелось, чтобы его

руки перестали меня удерживать и начали скользить по телу. И поцелуя захотелось почти нестерпимо. И от этого острого чувства я заскулила.

– Понял. Я тебя отпущу на счёт три. Раз. Два. Три.

Он разжал руки, и я начала падать. Но не на землю, а в холод разочарования – в свою обычную жизнь, где я была взрослой, самостоятельной и одинокой. И только Кирилл меня встряхнул. Дал почувствовать точку опоры. Тепло.

И я так на него подсела? Так сразу?

Мне стало стыдно. Я же всё могу сама! Я сильная, независимая и холодная. И так повелась на парня, который говорит «не кипишуй»? Растеклась от единственного поцелуя и невинного прикосновения?

Не глядя на Кирилла, я стала искать упавшую с головы кепку. Но он был первым. Поднял и протянул мне. Но вместо благодарности я выпалила:

– Какого хрена ты на меня накинулся?

– Из-за кота.

Он кивнул в сторону корпуса. На крыльце с наглым видом умывался огромный чёрный котище с длинной угольной шерстью.

– Он прыгнул с дерева. Я решил, что он тебя поцарапает. Вот и оттащил в сторону.

В его голосе послышалась неуверенность, и я зло прошипела:

– Врёшь!

Кирилл нахмурился.

– Вру. Я вообще не понял, что это кот. К тебе неслось что-то чёрное. Вот я и схватил тебя.

Меня понесло:

– Думал, что спасаешь от медведя, а тут кот? А ты уже себе медаль на грудь повесил, новенький? И так опозорился, просто…

Я злилась на собственную беспомощность, а срывалась на Кирилле: он не был виноват, но я не могла сдержаться, иначе расплакалась бы. Шарила в траве в поисках выпавшего наушника.

Но он нашёл первым. И вместо того, чтобы вернуть мне, воткнул себе в ухо. Моя злость вспыхнула с новой силой, когда лицо Кирилла изумлённо вытянулось.

– Это что?

Я попыталась забрать наушник. Но барабанщик увернулся, и мне пришлось отвечать:

– Людвиг ван Бетховен – Симфония № 7, аллегретто.

– Да я понял. Классика? На пробежку?

– А почему нет?

– Под это можно бегать?

– Нужно. Думаешь, только под рок можно наматывать километры?

– Километры?

Теперь мне хотелось щёлкнуть его по носу. Плохо, что он узнал обо мне больше, чем я хотела раскрыть. Но восхище-

ние в глазах барабанщика льстило.

– Минимум три. Так что я побежала. Наушник принесёшь потом.

Обойдя Кирилла, я побежала по дорожке. Вдоль забора гостиницы выходило приблизительно три километра. Поэтому я нащупывала нужный темп, чтобы к окончанию пути сбросить с себя ненужное напряжение и зарядиться энергией.

Кирилл не только не вернулся в корпус, но и пристроился рядом. А когда я вошла в ритм, стал бежать со мной в ногу. Я такого никогда не видела. Папа говорил, что так бегают в армии. Но это же неудобно!

Барабанщик сантиметров на двадцать выше меня: с его длинными ногами подстраиваться под мои короткие шаги было нелегко. Бежал, словно со связанными между собой шнурками кроссовок, но даже не возмутился. И музыку тоже слушал.

Сначала я ждала претензий, но их не было. Барабанщик не сбился с дыхания, не жаловался на музыку, не скулил от нагрузки. И рядом с ним я могла быть собой.

Я любила классику. Мне нравилось бегать. Вот такая я на самом деле. Хотя сказать об этом вслух не могла, но мне казалось, что Кирилл понимал без слов.

Бах сменил Моцарта, Дворжак Стравинского, а мы продолжали бежать. Искоса поглядывали друг на друга, но не разговаривали. Кайф от молчаливого бега вдвоём растекал-

ся по коже, как тепло солнечного света. Барабанщик узнал композиции Грига и Вивальди. И снова замолчал.

И это молчание не тяготило. Наоборот, от бега вдвоём по телу разливалось какое-то особенное тепло. Кирилл молчал, когда я свернула в сторону главного корпуса. Никак не комментировал получение дубликата потерянной карточки. А когда я открыла номер, снова проскользнул внутрь.

Хотелось и удержать его рядом ещё чуть-чуть, и выгнать этого наглеца. Но я не успела сказать ни слова: взгляд зацепился за висящую в прихожей сумочку.

Мою дамскую сумочку.

На её боку было вырезано сердце. А внутри лежала окровавленная тряпка. Я вскрикнула. Не могла оторвать взгляда от обезображенной сумки. Ноги подкосились, и меня подхватил Кирилл, рявкнув:

– Тихо. Разберёмся.

Но я с отчаяньем вцепилась в его руку:

– Нет!

Мир раскололся

В спецназе запредельный уровень опасности компенсируется уверенностью, что стоишь на стороне правды и знаешь, что делать. И сейчас, увидев изрезанную сумку и почувствовав ужас Эрики, я был готов действовать по полной.

Но она вцепилась мне в руку. Затараторила, тяжело хватая ртом воздух, словно только что пробежала марафон.

– Кир, пожалуйста. Я тебя прошу. Ничего не надо делать.

– Что? – не понял я.

Она дрожала всем телом – мелко, как лист на ветру. Её страх мелкими толчками вбивался в мою руку, но она старалась говорить уверенно:

– Это всё ерунда, Кирилл. Это шутка.

Я отрицательно мотнул головой.

– Нет. Это угроза. Кто-то был в твоём номере, пока тебя не было. Он испортил твою сумку.

В груди поднималась волна жара. Но говорить о том, что преследователь мог устроить физическую расправу, не стал. Не потому, что пожалел Эрику, а потому, что у самого от этой мысли сжалось сердце и на затылке поднялись волосы.

– Кирилл, ну пожалуйста! Про это никому нельзя говорить. Если сейчас просочится даже намёк на угрозу, отменят концерт!

– И пусть. Надо найти виновного и обеспечить твою без-

опасность.

– Нет!

Эрику уже трясло так, что начали стучать зубы. И теперь я был готов порвать того, кто сделал ей больно. Сдерживался из последних сил.

– Пожалуйста, Кир! Ну пожалуйста!

Она уже всхлипывала, не сводя глаз с изрезанной сумки. Я видел, что она на грани срыва. Взял её за локоть и вывел в коридор. Тихо, пусто. Завёл Эрику к себе, карточку от её номера забрал.

– Сиди здесь. Я скоро вернусь.

– Нет.

И снова пальцы капканом на моём предплечье. На почти белом лице – одни глаза. Да вашу ж Машу!

– В душ тоже со мной пойдёшь после пробежки?

Вопрос моментально привёл её в чувство. Она отшатнулась, нахмурилась, замотала головой.

– Нет… Я… Мне надо вещи взять…

– Потом возьмёшь. Пока иди в душ. Бери мою любую футболку. Она тебе по длине как вечернее платье.

Сказал твёрдо, почти грубо. Но тут же поймал слабую улыбку и продолжил:

– Я быстро. Соскучиться не успеешь. Снимай кроссовки.

Она наступила сначала на одну пятку, потом на другую. Как малышка в детском саду, прошлёпала по плитке и замерла, не решаясь двинуться дальше. Пришлось подтолкнуть.

– Быстро в душ.

Она шагнула к двери в санузел и снова замерла. А у меня сердце сжалось. Ну, давай, давай же, не тормози! Дай себя защитить! Но Эрика не слышала. Надо было вернуть её в реальность любой ценой. И я решил шокировать.

– Раздеть тебя?

Она отшатнулась. К лицу прилила кровь.

– Иди куда шёл! Без тебя справлюсь.

Отлично. Она скользнула в ванную, а я, прислушиваясь к происходящему, вышел в коридор и написал сообщение Нестерову. Тот почти мгновенно ответил:

– Работай автономно.

– Есть.

Ступал почти бесшумно. Камер в коридоре не было. Пальцы откатать невозможно. Смотрим, запоминаем, думаем. Сумка из достаточно толстой кожи. В номере всё так же, как я видел вчера из окна. Замки в порядке. Повреждений не было.

На диване в гостиной появилась брошенная второпях розовая пижама с сердечками. В спальне, на сбитой постели, – музыкальный инструмент, похожий на длинную палку со струнами, натянутыми на 4 колка.

Я всё фотографировал и отсылал Нестерову. После того, как я обошёл номер, получил сообщение:

– Сумку близко и детально.

В душе моего номера шумела вода. Но не постоянно, а

прерывисто. Значит, Эрика мылась. Можно было оставаться здесь. Я расстелил полотенце на столе гостиной. Поставил чёрную сумку, напоминающую полумесяц. Сфотографировал. Выслал.

– Чётче срез сердца.

Сделал ещё несколько снимков. Потом детально отснял тряпку: красная краска на ней почти высохла. Следом – остальное содержимое сумки. Паспорт, кошелёк, ключи с брелком, деньги, упаковку жевательной резинки, таблетки от головной боли и беруши.

Понятно, почему ты крепко спала, Эрика. С таким набором хоть пушки палят – ничего не слышно.

Потом начала поступать информация от Нестерова.

– На территории отеля посторонних не было. Только постояльцы и обслуживающий персонал. Ищи кого-то из своих. В вашем корпусе камер нет. Краска похожа на акриловую, её почти невозможно смыть после засыхания. Ищи следы… Сердце вырезано очень острым орудием.

И в самом конце: «Работай автономно. Будь внимателен».

А я и так не расслаблялся. Вода в моём номере перестала шуметь. Я насторожился. Выложил из пакета на стол чай и печенье, убрал в него сумку и вернулся к себе. Прямо у порога едва не столкнулся с Эрикой.

Волосы рассыпаны по плечам. Вырез моей серой футболки съехал набок, открывая ямочку у основания шеи, где билась жилка. Она была такой хрупкой в моей одежде, такой

моей, что заныло в груди.

– Всё нормально, – сказал я резко севшим голосом. – В номере спокойно.

А она всхлипнула и качнулась ко мне, обхватила руками шею и прижалась губами к моим. Я замер, пытаясь остаться беспристрастным телохранителем.

А потом с её губ сорвался еле слышный стон – и я нырнул с головой в нежность.

Личная заинтересованность

Этот поцелуй был особенным. Мне было с чем сравнивать. Когда встречался с Кристиной, всегда первым шёл на сближение: пробивался поцелуями, утаскивал за собой. Сам рвался к ней, но никогда не чувствовал такого отклика. Такой нежности, такого желания. Только расчёт.

В случайных связях это было ещё заметнее. Но там я и сам действовал как машина для получения взаимного удовольствия. Всё как в спортивном зале: подход, упражнение, результат. Закрыл дверь – забыл.

Эрика кинулась ко мне так отчаянно, словно я уходил на задание, и она провожала. Душу сразу свернуло узлом и обожгло между ног, как мальчишку. И не было в этом поцелуе ничего техничного. Зато была она. Вся. И душой, и телом.

И меня повело, качнуло навстречу. Рвались канаты запретов. Стирались воспоминания о Кристине, смывались следы чужих прикосновений. Я забывал, кто я и зачем здесь.

Так захотелось вмять её в себя, присвоить в прихожей гостиничного номера, посадив на тумбочку и сбросив с неё вещи. Разодрать одежду и взять, не сдерживаясь. Не думая, что будет потом. Только быть с ней. Только брать её. Только ловить удовольствие в стонах и глазах.

Я качнулся вперёд. Она прижалась к стене спиной. Я придвинулся так, чтобы между нами остался крохотный санти-

метр. Навис, одной рукой уперевшись возле моей головы. Из второй не выпускал пакет – иначе порву к хренам! И целовал, понимая, что эту я не отпущу. Не смогу потом встать и сказать «прощай».

И внутри кипела смесь желания и нежности, радости и помешательства. На её зелёных глазах, длинных волосах с рыжими прядями, губах со вкусом персика. На запахе, который кружил голову и заставлял искрить мои провода.

Она гладила меня по лицу, извиваясь, как кошка. Цеплялась за шею. Скользила тоненькими пальцами по затылку. И во мне уже бушевал ураган, готовый снести выдержку к херам. Превратить в необузданное животное, ведомое похотью.

Она была искренна. Не завлекала, не соблазняла, не строила глазки. Просто хотела. И это был динамит. Он рвал преграды. Расправлял крылья. От моей выдержки ничего не осталось.

Она тихо застонала. Мой язык, поймавший дрожь её удовольствия, скользнул по её губам в её жаркую глубину со вкусом персика. Теперь мы застонали разом. И от этого дуэта в унисон внутренности превратились в лаву.

И хотелось петь! Играть на ней стоны и вздохи. Высекать искры удовольствия. И когда я уже готов был тащить Эрику в постель, позвонил Нестеров.

Словно очнувшись, мы отшатнулись в разные стороны. Эрика с пылающими щеками и блестящими глазами метну-

лась в сторону душа. Заперла дверь на замок. А я, пытаясь выровнять дыхание, шагнул в комнату и вытащил телефон.

Нестеров сбросил звонок и начал писать в мессенджере. Так было принято, когда информация срочная, а говорить вслух нежелательно. Звонком привлечь внимание. Остальное – текстом.

Но сейчас, пока Нестеров набирал сообщение, я вдруг увидел себя со стороны. И меня накрывало от ужаса. Впервые в жизни я рисковал не выполнить приказ.

Эрика включила воду, пытаясь отгородиться от меня и остыть во всех смыслах. А для меня холодным душем стал звонок Нестерова.

Я. Был. На задании.

Я. Выполнял. Приказ.

Но вместо этого подсел на девушку, которую должен был охранять. Как подросток. Потерял бдительность. Утратил контроль. И что было бы, если бы не звонок замкома? Где бы мы сейчас были?

С рычанием я уселся на стул у небольшого столика. Шмякнул пакет на подоконник. Уставился на входящее сообщение.

– Она рядом?

– В душе. – И, поняв, что это может выглядеть двусмысленно, добавил: – Оставил в своём номере для наблюдения.

– Ясно. Ситуация серьёзная. Выявлено три случая физической угрозы в интернете. Порча имущества – переход на

следующий уровень. Возможно физическое уничтожение..

И две точки в конце. Так мы передавали слово собеседнику. Как в рацию говорили «приём». И я спросил:

– Есть подозреваемые?

– Все из коллектива, кроме костюмерши. Она новенькая. Пришла позже первой порчи имущества.

Надо было что-то ещё уточнять, писать, думать. А у меня в голове мысли заволокло розовым туманом. И болело всё разом: и душа, и голова, и в паху. Капец!

– На кого обращать внимание?

Несколько секунд – тишина. Потом одно за другим пришли сообщения.

– Почерк угроз и действий смешанный. Пол определить не удалось.

– Ищи ненавидящего Эрику. Того, кого она унизила, растоптала, лишила чего-то жизненно важного.

– Противник умный.

– Будь начеку.

И тут меня порвало окончательно. Я был профнепригоден для защиты Эрики! Пока мы целовлись, можно было заминировать её номер, насыпать ей в туфли стекла. И теперь внутри горело не от желания, а от злости на себя.

Сказать об этом я мог только Нестерову. Человеку, который был мне дороже отца. Который учил и собственным примером, и приказом.

Переступив через себя, написал:

– Прошу замену.

– Причина?

– Личная заинтересованность в объекте охраны.

Отправил и замер, ожидая его приговора. Телефон откликнулся входящим сообщением:

– У нас у всех личная заинтересованность. Майор Тескер нам брат по оружию. Навсегда. – И через несколько секунд, показавшихся вечностью, добавил: – Продолжай работать. Отбой.

Экран погас ровно в тот момент, когда из ванной вышла Эрика. Хрупкая, раскрасневшаяся, с распущенными по плечам волосами и горящими зелёными глазами. И снова поднялась волна нежности.

Мозг просигналил: «Возможно физическое уничтожение!»

И меня перемкнуло.

Она опустила взгляд. Спину держала ровно, но полотенце сжала до побелевших костяшек. И не успел я шагнуть к ней, как Эрика подняла голову. Спросила тихо:

– И что теперь? Ты предложишь мне одноразовый секс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.